

Танцует Юрий Соловьев

Недавно Театр имени С. М. Кирова показал новый одноактный балет Б. Майзеля «Далекая планета», поставленный балетмейстером К. Сергеевым. Оформлял спектакль художник В. Доррер. Героem этого балета является сын Земли — человек, который достигает далекой планеты и возвращается к людям, обогащенный новыми знаниями.

Эту ответственную партию танцует Ю. Соловьев. На снимке: К. ФЕДИЧЕВА (Земля) и Ю. СОЛОВЬЕВ (Человек).

Фото Р. Филиппова

Звезда Юрия Соловьева взшла внезапно. На выпускном спектакле в 1958 году, где он танцевал партию Голубой птицы из «Спящей красавицы», его заслонили другие танцовщики, показавшиеся более яркими. В то время, как его одноклассникам начали поручать ведущие партии, Соловьев еще танцевал в «двойках», «четверках»: один из четырех друзей Ферхада в «Легенде о любви», один из двух юношей в «Лауренсии» и т. д. Правда, уже здесь Соловьев выделялся. Любое движение танца, трудное или простое, молодой артист исполнял безупречно, и оно обретало неповторимое изящество.

Высота и легкость прыжка, чистота и правильность классического танца, непринужденность и изящество — все эти качества, необходимые любому танцовщику, в танце

Соловьева утроены, удесятерены. Отрываясь от земли, он словно останавливается в воздухе и опускается на землю, скорее прислушиваясь к музыке, чем в силу земного притяжения.

Танец Соловьева академичен в самом высоком смысле этого слова. Танцовщик не рвет традиции балетного театра, не нарушает их законы. Но академизм Юрия Соловьева не ограничен узкими рамками вчерашнего дня. Главным образом он предполагает манеру и форму танца сдержанно-благородную, технически совершенную. Содержание, вкладываемое в этот танец, многогранно. Показательно, что первой сольной партией Юрия Соловьева была партия нашего современника: в 1960 году в балете на музыку Шостаковича «Седьмая симфония», поставленном

И. Бельским, Соловьев исполнил роль Юноши.

Содержание «Седьмой симфонии» раскрывается средствами классического танца, и Юрий Соловьев почувствовал себя в своей стихии. Присущие молодому танцовщику мягкость, благородство и какая-то чистота русская задумчивость проявились уже в этой первой работе. Лирические краски, преобладающие в Юноше — Соловьеве, особенно ярко отметили его героические поступки, раздвинули границы образа, сделали его теплым и человеческим.

После «Седьмой симфонии», утвердившей Соловьева как академического танцовщика, в его еще короткой творческой биографии чередовались блестящие классические вариации и глубокие психологические роли в современных балетах; вчера Юрий Соловьев танцевал па-де-труа в «Лебедином озере» или па-де-де в «Жизели», сегодня — Юношу в «Седьмой симфонии» или Давилу в «Камennom цветке».

Когда Соловьев наконец исполнил главные партии в балетах «Спящая красавица» и «Лебединое озеро», академические традиции слились с подлинной глубиной чувств, психологическим проникновением в образ.

Партии Дезирэ и Зигфрида — большая удача молодого танцовщика. Он тонко чувствует и передает характер музыки Чайковского и стиль хореографии Петипа. Обаятельный облик его героев определяют юношеская чистота, глубина и широта чувств. В пантомимных эпизодах этих балетов Юрий Соловьев про-

должает оставаться первоклассным танцовщиком. Он ходит легко, грациозно, как могут ходить только сказочные принцы; в стремительном движении его бега, в протянутых руках передается возвышенность, приподнятость чувств, роднящая пантомиму Соловьева с танцем. В то же время в пантомиме молодой танцовщик очень тактичен: ни одного лишнего движения, никаких бытовых деталей. Соловьев-артист полностью подчинен Соловьеву-танцовщику.

Дарование Юрия Соловьева лирическое. Это не говорит об ограниченности его кругом лирических переживаний, а лишь о манере овладения образом. Одна из его последних работ — Ферхад в балете Меликова «Легенда о любви», поставленном Григоровичем. Соловьев не ломает свою индивидуальность, заставляя изображать чуждый ей героический характер. Как и все предыдущие образы, он рисует Ферхада лирическими красками. Но здесь лирика особенная. Из нее рождаются глубокие раздумья, за ней угадываются упорство, воля, целеустремленность. Не порывистость романтика, а благородная сдержанность мечтателя и мыслителя.

От танца к танцу, от партии к партии определяется творческий облик Юрия Соловьева. Каждая его новая роль, не поражая внешней новизной, отмечена все большим психологическим и эмоциональным проникновением в образ. Звезда Юрия Соловьева взшла внезапно, но, по всем признакам, надолго.

Г. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА
г. ЛЕНИНГРАД.

26 АПР 1963